

ЕГО ЩЕДРАЯ МУЗА

Юозас Мильтинис занимает особое место в художественной жизни Литвы. Когда называют его имя, оно непременно ассоциируется с Паневежским театром, а когда называют Паневежский театр, неразрывно связывают с именем его создателя.

Молодой Мильтинис свои первые шаги на стезе образования начал в Каунасской гимназии иезуитов. Естественно, его сложная натура, любовь к театру вскоре вынудили оставить это учебное заведение. Он оказался в драматической студии Государственного театра в Каунасе, где первым его учителем был известный режиссер, один из основателей литовского профессионального театра Б. Даугуветис. Затем — недолгая работа актером в Шауляйском театре — и конфликт, возникший на почве острого неприятия молодым художником рутины, штампов в тогдашнем сценическом искусстве. Ю. Мильтинис едет учиться в Париж.

Здесь его учителем становится выдающийся французский режиссер Ш. Дюллен, а сокурсниками молодого студийца из Литвы — Ж. Виллар, Ж. Барро, М. Рено, А. Барсак, М. Марсо. Когда в конце 30-х годов будущий режиссер оказался снова в Литве, в гостеприимстве для него не оказалось места. Ю. Мильтинис пытается создать театр при Каунасской палате трудящихся. Именно здесь начинает формироваться то ядро будущих актеров, которые затем со-

ставляют основу театра в Паневежисе — И. Алекна, Б. Бабкаускас, В. Бледис и другие.

Паневежский театр возник и развивался как первый литовский театр-студия. Впервые в Паневежисе идея театр-студии была воплощена Ю. Мильтинисом и последовательно проводилась им, в течение сорокалетней истории коллективного творчества. Это — одна из важнейших черт Паневежского театра, предопределившая его особое место в процессе развития литовского сценического искусства. Понятие студийности имело для паневежцев свой особый смысл.

Во-первых, Мильтинис формировал из студии коллектив, сплоченный единой концепцией. Во-вторых, театр и действующая при нем на общественных началах студия представлялись Мильтинису неделимым организмом. Он готовил в студии актеров только для данного театра. Даже став признанными мастерами, актеры не прерывали связи со студией, участвовали в ее деятельности и в качестве преподавателей, и даже в качестве учеников. Это звучит как парадокс, но на Б. Бабкаускас, ни Д. Банёнис, ни Г. Карка, ни Э. Шулгайте, ни А. Масюлис не имеют документа, удостоверяющего их актерскую профессию. «Вечные» студийцы...

И, наконец, третья: основой репетиционного процесса у Мильтиниса также явились принципы студийности. В этом режиссер видит исто-

ник постоянного творческого обновления, считая студийность своеобразным барометром жизнеспособности труппы. «Актер, — подчеркивает Ю. Мильтинис, — обладает неограниченными возможностями импровизировать, т. е. каждый раз на сцене быть иным... Роль сводит два чужеродных содержания в одно...». Ю. Мильтинис отвергает фиксацию наиболее удавшейся во время репетиции сцены или состояния персонажа, ибо то, что человек «однажды пережил, им не может быть повторено таким же образом. Это будет лишь формальный повтор...». Лучшие постановки Ю. Мильтиниса не только сохраняли такое понимание духа студийного, но и дали еще один ощутимый результат — на этих работах воспитана целая плеяда крупных актеров, широко известных в нашей стране и за ее пределами.

Ю. Мильтинис не раз подчеркивал, что примерно до 1957 года театр ставил в основном «горизонтальные» пьесы, т. е. рассматривающие жизненные явления «вширь», и лишь с конца 50-х годов происходит качественный прорыв в творчестве театра, когда главное место занимают «вертикальные» произведения, устремляющиеся в глубь характера человека, времени, в котором он живет.

Такие постановки этой новой полосы творчества театра, как «Смерть коммивояжера» А. Миллера, «Макбет» В. Шекспира, «Физиики» и «Франк В»

Ф. Дюрренматта, «Там, за дверью» В. Борхерта, «Тайна Адомаса Брунзы», «Любовь, черт и джаз» Ю. Грушаса, «Пляска смерти» А. Стриндберга, выводят Паневежский театр на передовые позиции, они заняли достойное место в ряду выдающихся явлений многонационального советского искусства. Эти спектакли, появившиеся в разные годы, различные по художественным особенностям, тем не менее были объединены режиссерской и актерской школой Юозаса Мильтиниса. Школе этой присущи высокий интеллектуализм, стремление проникнуть в сложнейшие пласты человеческой психологии и разума, вскрыть глубокую конфликтность человека и времени.

Лучшие работы Ю. Мильтиниса и его учеников были полемически направлены против внешнего, «позирующего» психологизма на сцене, против облегченного показа человеческих характеров и отношений. Особый, внутренний психологизм постановок режиссера сочетается, подкрепляется островыразительной театральной формой. В лучших постановках Ю. Мильтиниса актерское искусство, занимающее центральное место, органически сливалось с остальными компонентами сценического действия.

Для Ю. Мильтиниса нет мелочей в театре. Режиссер тонкого художественного вкуса, особого художественного «изыска», он очень хорошо чувствует и много внимания уделяет световой, музыкально-звуковой партитуре спектакля, сценографии, выразительности, театральной «костюма». Режиссер особо тонко ощущает жанровое и стилистическое своеобразие пьесы,

умеет точно раскрывать вместе с актером сложные лабиринты человеческой души. Режиссер внес много яркого и своеобразного в жанровое многообразие литовской сцены. Здесь и особый стиль созданной им «малоформальной» трагедии, и современная трагикомедия.

Почти четыре десятилетия возглавлял Юозас Мильтинис свое детище — Паневежский драматический театр. Не многие театры могут похвастаться такой стабильностью и последовательностью режиссуры: паневежская труппа все эти годы плодотворно работала в русле «самодержавной» режиссуры Ю. Мильтиниса, развивалась вместе с его эстетическими концепциями и художественными устремлениями. Подобная стабильность, долговечность режиссуры — редкое явление не только в истории советского театра.

Такая долговечность творчества режиссера объясняется, конечно, многими — и объективными, и субъективными — факторами. Думаем, один из важнейших — творческая неистовость, необычайная интенсивность и целеустремленность могучего таланта этого замечательного мастера, его яркой индивидуальности. Для такой профессии, как режиссура, не существует пенсионного возраста. Это относится и к Юозасу Мильтинису, который и сейчас полон творческих дерзаний и художественных замыслов. Ибо для Ю. Мильтиниса, как он сам не раз это утверждал, театр все да был и остается образом жизни.

М. ПЕТУХАУСКАС,
заслуженный деятель
искусств Литовской ССР.